

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 332.14

О.А. Бияков

ГЕНЕЗИС ТЕОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Изучение автором различных точек зрения, встречающихся в экономической литературе, позволило сделать вывод о несколько упрощенном понимании сущности термина «экономическое пространство». В большинстве публикаций под экономическим пространством понимаются некие географические рамки, в которых существует экономическая система. Границы этих рамок у разных авторов простираются от единого мирового экономического пространства до регионального.

Понятие «экономическое пространство» широко применяется в самых разнообразных контекстах. В политическом контексте, например, речь идет о так называемом едином экономическом пространстве в пределах СНГ, подразумевая общность рынка, единой валюты, устранение таможенных барьеров. В социально-юридическом контексте единое экономическое пространство отражает единую социально-правовую базу, выравнивание темпов развития отдельных регионов и даже государств (Союз Белоруссии и России). Автор принципиально возражает против такого «политико-бытового» подхода к серьезному понятию экономической теории. Следует отметить, что в российской экономической литературе практически отсутствуют ссылки на современных зарубежных авторов, разрабатывающих теорию экономического пространства и пространственной экономики. В лучшем случае ссылки датируются шестидесятыми годами прошлого века, поэтому большая часть статьи посвящена

обзору современных работ западных экономистов по заявленной теме.

Философский аспект проблемы

«Вне себя мы не можем на глядно представить времени, точно так же, как пространство нельзя представить находящимся внутри нас. Что же такое пространство и время?» - этот вопрос был задан величайшим мыслителем прошлого И. Кантом в трактате «К критике чистого разума» [1, с. 37]. Пространство и время – фундаментальные понятия, о философском смысле которых люди задумывались всегда. История философской и экономической мысли свидетельствует, что сущность этих понятий волновала умы практически всех известных мыслителей прошлого и настоящего.

Величайший философ древности Аристотель понимал пространство как порядок взаимного расположения тел, а время как порядок сменяющих друг друга явлений. Древнегреческие философы Демокрит и Эпикур, исходя из своего атомистического учения, пришли к пониманию пространства как некоторой пустоты, в которой атомы образуют многообразие физических тел. Эти идеи были развиты в философских трудах Бруно, Галилея, Декарта, Ньютона. Последний рассматривал пространство как универсальную систему отсчета, относительно которой происходит движение тел. Категории пространства и времени исследовались в научных трудах Гюйгенса, Дири, Лейбница, который ближе остальных подошел к материали-

стическому пониманию сущности пространства и времени, сделав вывод, что они не могут существовать вне материи и материальных процессов.

Пространство и время как философские категории до сих пор не имеют однозначного толкования среди исследователей, но в понятийном аппарате сформировалось общепризнанное определение этих категорий, носящее ярко выраженный философско-физический аспект, приведенное в Физическом энциклопедическом словаре: «Пространство – это совокупность отношений, выражающих координацию материальных объектов, их расположение друг относительно друга и относительную величину (расстояние и ориентацию). Пространство выражает порядок расположения одновременно существующих объектов, их протяженность. Время – совокупность отношений, выражающих координацию сменяющих друг друга состояний (явлений), их последовательность и длительность» [2, с. 227].

В современной системе научного познания окружающего мира развиваются как реляционные, так и субстанционные представления о времени. Время исследуется в соединении с пространством, ставится вопрос об объективности этих понятий, их существования независимо от восприятия человека. По мнению О. Эстерле [3], для философов-материалистов проблема «пространство-время» решается слишком просто – через движущуюся материю, но объяснить как она возникла и почему движется они не могут.

Теории В. Ацюковского [4, 5], И. Герловина [6] утверждают, что пространство – сверхтекущая жидкость, а материя является вихревой структурой этой среды.

Происходит ревизия четырехмерного континуума А. Энштейна. Например, Б. Полосухин [7, с.11] утверждает, что времени вне человека не существует, как не существует и четвертого измерения в континууме А. Энштейна. Напротив, А. Константинов [8], считает, что время трехмерно, следовательно, мы существуем в шестимерном континууме. А. Кобринский [9] и Н. Козырев [10] доказывают, что время выступает как физическое явление. Однако большинство исследователей ориентируются на идею объективности времени, которая развивается диалектическим материализмом в релятивистской концепции. Ф. Энгельс писал: «Основные формы всякого бытия суть пространство и время; бытие вне времени есть такая же величайшая бессмыслица, как бытие вне пространства» [11, с. 51].

Краткий философский экскурс в понятийный аппарат категорий пространства и времени позволяет констатировать наличие проблем, над которыми философы продолжают работу. В соответствии с целью нашего исследования рассмотрим понятие «экономическое пространство».

Ярко выраженный территориальный оттенок рассматриваемого понятия обусловлен историческим аспектом его развития. Проблемы формирования и развития экономического пространства нашли свое отражение еще в трудах Адама Смита [12], обосновавшего концепцию абсолютных преимуществ (теорема обмена, которая устанавливает связь рынка, разделения труда и эффективности производства), и Давида Рикардо [13], создавшего теорию сравнительных преимуществ (принцип сравнительных преимуществ в

межрегиональной торговле и теория ренты по местоположению). Необходимо отметить, что А. Смита и Д. Рикардо считают основоположниками науки о пространственной организации хозяйства не только представители региональной науки, но и ученые смежных наук – экономической географии и geopolитики. Именно поэтому мы выделяем два подхода, две концепции, послуживших основой для формирования теории экономического пространства. Отметим, что основоположниками обеих концепций были немецкие ученые.

Географическая и geopolитическая концепции экономического пространства

Большой вклад в теорию экономического пространства внес крупнейший немецкий географ фон Фридрих Ратцель (*Ratzel, Friedrich*). Основные идеи им изложены в книге «Политическая география» (1897 г.). Государство, в его представлении, есть живой организм, соединяющий свойства народа и земли и, подобно всем организмам, борющийся за свое существование. Будучи живым организмом, государство движется и растет как целое. Ф. Ратцель [14] сформулировал семь законов пространственного роста государств, суть двух, наиболее важных с нашей точки зрения, сводится к следующему:

- изменения в организме-государстве (рост и сокращение) отражает его граница, которую Ф. Ратцель называл «периферийным органом государства»;

- в процессе роста государство стремится прежде всего вовлечь в себя «политически ценные» места: береговую линию, русла рек, районы, богатые ресурсами.

Основная идея Ф. Ратцеля – государства имеют тенденцию врастать в естественные пространства, и эта их тяга может быть удовлетворена лишь в границах континентов.

Эту идею развил последователь Ф. Ратцеля шведский ученый Рудольф Челлен (*Kjellen, Rudolf*). В своей главной работе «Государство как форма жизни» он сформулировал «органическую теорию»: государства рождаются, развиваются, увядают и умирают, т.е. представляют собой формы жизни. Их бытие подчиняется всеобщему закону борьбы за существование – в борьбе за пространство. Государство рассматривается Р. Челленом как определенная форма хозяйства, имеющая физико-географический пространственный организм.

На основе концепции Р. Челлена Фридрихом Науманном (*Nauman, Friedrich*) была разработана теория «Средней Европы». С его точки зрения, для того, чтобы выдержать конкуренцию с Англией, США и Россией, народы, населяющие Центральную Европу должны объединиться и организовать новое интегрированное политico-экономическое пространство. Его проект подразумевал интеграцию Австрии, Германии и прибалтийских государств.

Последней отметим теорию хатерланда (*Heartland*) Хэлфорда Макиндер (*Mackinder, Halford*). Он утверждал, что для государства самым выгодным пространственным положением является срединное, центральное положение, которое в конкретном географическом контексте может варьироваться. Х. Макиндер рассматривает экономическое пространство через систему трех концентрических кругов, в центре которых находится heartland, «земля сердцевины».

Представленные выше теории развивались многими учеными разных стран. Однако к началу 30-х годов XX века разрабатываемые теории получали все более идеологическую и политическую окраску, наполнялись националистическим содержанием в ущерб содержанию экономическому. Поэтому дальнейший их обзор для нас

интереса не представляет. Отдавая должное перечисленным ученым и их теориям, отметим, что с экономической точки зрения, их последователи завели теорию экономического пространства в изложенной концепции в тупик.

Штандортная концепция экономического пространства

Понятие экономического пространства тесно связано с теорией размещения производства и, прежде всего, классическими штандортными теориями, разработанными немецкими экономистами XIX и начала XX века. Именно в теории размещения производства впервые экономика стала рассматривать не как «точечная», а как «пространственная». Основоположником теории размещения считается Иоган Генрих фон Тюнен (*Thünen*), который в своей книге «Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономии», изданной в 1826 г., впервые создал схему, близкую к модели оптимального размещения сельскохозяйственного производства, в которой главным аргументом является расстояние (от центра «изолированного государства»). В понятийно-терминологический аппарат им были введены представления о «идеальном объекте», «экономическом пространстве», его свойствах, зональных или поясных структурах, градиентах цен и рентных платежей, факторах размещения и экономическом расстоянии. И. Тюнен [15] формулировал свой метод исходя из анализа транспортных затрат на перевозку продукции от места производства до рынка как основного фактора, под влиянием которого происходит размещение сельскохозяйственных культур и перерабатывающих их хозяйств. Им были выделены шесть пространственных зон, на которых строилась модель размещения хозяйств.

Развитие модели размеще-

ния сельскохозяйственного предприятия фон Тюнена для промышленных предприятий сделал В. Лаунхардт (*Launhardt*), считавший транспортный фактор решающим. Им был разработан метод локационного треугольника для решения задачи минимизации транспортных издержек.

В обобщенном виде классическая штандортная теория разработана Альфредом Вебером (*Weber*) [16] и представлена им в работах «О штандортах индустрии» (1909 г.) и «Теория размещения промышленности» (1925 г.). В них речь идет о критерии оптимального размещения, заключающегося в минимизации суммарных издержек производства и сбыта.

Теория центральных мест В. Кристаллера (*Christaller*) дополнила классическую штандортную теорию положением о функциях и размещении системы населенных пунктов, согласно которому со временем территория покрывается «кристаллеровской решеткой», благодаря чему среднее экономическое расстояние минимизируется. В свете теории В. Кристаллера экономическое пространство обладает свойством иерархичности.

Можно выделить две основные черты, свойственные классическим штандортным теориям в контексте понятия экономического пространства: предполагается наличие данных по всем факторам размещения, которые необходимы для определения места размещения предприятия; рассматривается отдельно взятое предприятие. Эти черты предполагают однородность экономического пространства. Закономерно, что классические штандортные теории подвергались критике еще в 20-х годах прошлого столетия. А. Предель (*Predel*) отрицал возможность математического определения оптимального места размещения, а шведский ученый Т. Поландер (*Palander, Tord*) [17] разработал штан-

дортную теорию с учетом отраслевой специфики предприятий, территориальных особенностей, регионального различия цен на ресурсы. Подход к экономическому пространству у этих авторов иной – подчеркивается наличие свойства неоднородности пространства. Согласно Т. Поландеру, географические факторы определяют в каждом конкретном случае ту отрасль производства, которая становится доминирующей в данной местности.

Дальнейшее развитие теория экономического пространства получила в неоклассической штандортной теории Августа Леша (*Lösch, August*) [18]. А. Леш доказал невозможность создания общей теории размещения, которая позволяла бы обеспечить оптимальное размещение производства. Одна из основных заслуг А. Леша заключается в рассмотрении экономического пространства не на уровне отдельных предприятий и поселений, а на уровне экономических регионов. Он анализирует размещение производителей в условиях конкуренции и выдвигает положение о тенденции наиболее полного заполнения экономического пространства региона экономическими агентами. Границы экономического пространства региона у него проходят по линиям безразличия и этим обеспечивается состояние устойчивости и равновесия пространства, на которое оказывает влияние, по мнению А. Леша, налоговая система, технический прогресс, близость к государственным границам. Региональное экономическое пространство рассматривается как рынок с границами, обусловленными межрегиональной конкуренцией.

Заканчивая рассмотрение теорий штандорта, необходимо отметить, по мнению автора, принципиально важный момент. Практически все ученые, стоявшие у истоков исследований по пространственной организации хозяйства, предлагали ко-

личественные методы для оценки принимаемых решений по размещению хозяйств. Речь идет о том, что теория размещения неразрывна связана с моделированием хозяйственных процессов.

Теория экономического пространства в работах современных западных экономистов

В середине 50-х годов американский экономист Уолтер Айзард (*Isard, Walter*) обобщает все частные теории размещения и становится одним из основателей современной региональной науки. Теория экономического пространства в его научных трудах [19, 20, 21] получает новое, объемное измерение. У. Айзардом на основе макроэкономических подходов разрабатывается метод анализа промышленного комплекса, проводится анализ региональных производственных систем и межрайонных связей. Многие современные регионалисты называют У. Айзарда отцом-основателем современной региональной науки.

Особый вклад в теорию экономического пространства внес французский экономист Франкоис Перр (Perroux, 1950). Суть теории – рассмотрение неравенства как основополагающего принципа экономического развития. Неравенство по его теории вытекает из различий в размерах производства и капитала, из различной степени информированности партнеров, из принадлежности к различным областям хозяйства. Главный результат неравенства – существование доминирующих и подчиненных экономических единиц, неравенство которых имеет своим следствием деформацию экономического пространства. Один из видов деформации – поляризация пространства вокруг ведущей отрасли («полюса роста»). Такую отрасль Ф. Перр [22] называет «пропульсивной». Входящие в поляризованные пространства предприятия устанавливают

неравноправные отношения к его полюсам, испытывают на себе его увлекающее или тормозящее воздействие. «Эффект увлечения» базируется на взаимозависимости всех экономических единиц. Деформация экономического пространства вокруг доминирующей единицы означает, по Ф. Перру, изменение формы и содержания отношений между экономическими единицами, входящими в пространство. Если ранее рассматривалось, что каждая фирма действует самостоительно, руководствуясь только уровнем единой цены на рынке ее продукции и высотой своих издержек, то, попав в поляризованное пространство, она должна при принятии решений учесть прямое или косвенное принуждение, исходящее из полюса – от доминирующей единицы. В поляризованном пространстве экономические единицы ведут себя уже не как взаимозависимые партнеры, а как части единой системы. Основным вкладом Ф. Перру в теорию экономического пространства можно считать обоснование нелинейности пространства.

Идеи Ф. Перру развил его ученик Ж. Будвиль (*Boudeville*), который дал региональное толкование полюса роста и выделил виды экономических пространств: гомогенное, поляризованное, плановое. По Ж. Будвилью, не каждый региональный центр является полюсом роста, а только тот, в котором сложились пропульсивные отрасли. На основании этой теории экономическое развитие региона обусловливается поиском отраслей, которые дадут толчок к развитию всей региональной системы.

В середине 60-х годов появляются работы Э. Гувера (*Hover, 1963*) [23], в которых он исследует проблемы концентрации экономического пространства вокруг крупных городов. Согласно его концепции экономическое пространство вокруг крупных промышленных

и финансовых центров деформируется и приобретает особые свойства, способствующие экономическому росту в регионе. Позже, Джейн Якобс (*Jacobs, 1969*) на основе этой концепции анализировала эффект экономии на масштабах потребления в мегаполисах [24]. Следует отметить большой вклад Эдварда Гувера в развитие региональной науки, его книга *«An introduction to regional economics»* [25], появившаяся в 1971 г., считается классическим произведением и выдержала уже три издания.

В начале 70-х годов начинает быстро развиваться теория промышленных комплексов, основы которой были заложены еще У. Айзардом в начале 60-х годов в книге *«Methods of regional analysis»*. Следует отметить работы М. Стрейта (*Streit, 1969*) [26], К. Ричтера (*Richter, 1969*) [27], С. Цамански (*Czamanski, 1977*) [28, 29]. Последний определяет комплексы как «группы отраслей промышленности, связанных потоками продуктообмена и имеющие схожие модели локализации» [28, р. 456] (перевод мой – О.Б.). В качестве инструментария исследований использовалась широко известная модель «затраты-выпуск». В работах В. Латтама (*Latham, 1976*) [30, 31] критикуется подобный подход, который, по его мнению, не учитывает пространственную составляющую расчетов и региональную специфику. Е. Хоув (*Howe, 1991*) [32] также критикует сложившуюся практику использования модели «затраты-выпуск» и попытки учета пространственной составляющей с помощью обычного корректировочного коэффициента.

Автору не удалось найти значимых работ по теории экономического пространства, изданных в 80-х годах. Вероятно, следует согласиться с Дж. Квегли (*Quigley, 2001*) [33], который в статье с символическим называнием «Ренессанс в региональных исследованиях» ведет

речь о кризисе в региональной науке в 80-х годах и ее расцвете в начале 90-х. В этой связи, прежде всего, необходимо отметить М. Портера (*Porter, 1990*) [34, 35, 36]. Он обосновал необходимость присутствия в регионе многочисленных «поддерживающих» небольших фирм как ключевую детерминанту конкурентоспособности промышленности. На основе анализа развития отрасли машиностроения в Мичигане, текстильной отрасли в Северной Каролине и микроэлектроники в Кремниевой Долине М. Портер пришел к выводу о существовании пространственных промышленных кластеров (*spatial industry cluster*).

Важным элементом теории промышленных кластеров М. Портера представляется положение, согласно которому промышленный кластер формируется только в том случае, если в регионе сосредоточено не менее двух отраслей промышленности, которые обеспечивают устойчивый региональный рост. Именно конкуренция, по мнению М. Портера, выступает внутренней силой развития экономики региона. Согласно этой теории существует четыре фактора, которые обеспечивают успешность или неуспешность функционирования любой фирмы, входящей в кластер:

- институциональная среда и развитость институтов рынка, культурный и исторический аспект конкурентного взаимодействия фирм;
- условия, на которых фирма строит свою конкурентную борьбу (национальное использование природных ресурсов, применение передовых технологий, квалификационный аспект используемой рабочей силы и др.);
- учет требований местного рынка, предъявляемых к продукции или производимым услугам данной фирмы;
- конкуренция и высокая степень связанности с другими фирмами, работающими на ме-

стном рынке.

Если функционирование фирмы соответствуют перечисленным требованиям, то у таких фирм появляется тенденция к географической концентрации.

Теория М. Портера получила развитие в трудах многих западных экономистов. Д. Майлат (*Maillat, 1991*) [37, 38] изучает процессы, происходящие в кластере, с синергетических позиций и на основании этого делает вывод, что регион должен рассматриваться не как географические рамки, а как сложная система, имеющая экономическую и технологическую составляющие. Примером такого подхода могут служить работы П. Кругмана (*Krugman, 1995*) [39, 40].

Им выдвинута концепция «совокупной причинной обусловленности» (*cumulative causation*) суть которой заключается в том, что фирмы стремятся в наиболее концентрированное экономическое пространство, а пространство имеет тенденцию к концентрации в местах наибольшего расположения фирм. Концепция П. Кругмана получила широкое признание. В качестве примера можно привести работу итальянского экономиста Дж. Арбия (*Arbia, 2001*) [41], в которой он строит модель, позволяющую анализировать жизненный цикл фирмы (продолжительность функционирования) в связи с концентрацией промышленности на примере достаточно уникального государства – Сан-Марино. Похожую модель, но уже относительно концентрации капиталов крупных корпораций в мегаполисах на примере Австралии предлагают Б. Робертс и А. Муррей (*Roberts & Murray, 2002*) в [42].

С середины 90-х годов появляются работы, в которых региональное пространство рассматривается с позиций сетевой экономики. Это вполне закономерно, потому что бурное развитие нейрокибернетики в 80-х годах отложило достаточно сильный отпечаток на развитие

всей науки. Отметим работу М. Энригта (*Enright, 1996*) [43], в которой он доказывает, что внутрисетевое взаимодействие фирм является важным элементом индивидуальной конкурентоспособности. Достаточное внимание этот автор уделяет влиянию межсетевого взаимодействия фирм на общий рынок труда региона и изменениям, которые вызваны сетевой организацией региональной экономики. Более подробно эти вопросы рассматриваются у С. Гоетца (*Goetz, 1999*) в книге «*Migration and Local Labor Markets*» [44], где вводится принципиально новое понятие пространственного работника (*spatial worker*), а рынок труда рассматривается с позиций теории промышленных кластеров.

Вступление развитых стран в этап постиндустриального развития накладывает отпечаток и на развитие теории экономического пространства. Это обусловлено взрывными темпами развития высоких информационных технологий, и прежде всего, формированием единого информационного пространства (*Internet*). Р. Шулер (*Schuler, 1992*) в статье [45] исследовал влияние систем телекоммуникаций на структуру экономического пространства крупного города, итальянский экономист Р. Капелло (*Capello, 1994*) в книге [46] анализирует влияние глобальной телекоммуникационной сети на пространственную составляющую экономического развития. Следует отметить еще одну интересную работу Р. Капелло, вышедшую в 2002 г. [47]. В ней дается анализ эффективности функционирования 60 высокотехнологических фирм Милана и его пригородов по критерию месторасположения. В результате анализа формулируется вывод: небольшие фирмы наибольшую эффективность деятельности имеют в пригороде, тогда как крупные – в центре города, потому что они имеют возможность наилучшим образом использовать положи-

тельные эффекты концентрированного экономического пространства [47, р. 400].

Исследование межфирменного и внутрифирменного экономического пространства встречаем у японского экономиста Г. Шибусавы (*Shibusawa, 2000*) [48]. Он рассматривает сетевую форму организации экономических процессов на уровне отдельной фирмы с позиций использования телекоммуникационных сетей. На основе построенных моделей имитации деятельности *home*-работника и *office*-работника Г. Шибусава определяет оптимальную структуру фирмы и приходит к выводу о целесообразности пространственного (виртуального) объединения фирм, использующих общие технологии.

Взаимовлияние экономических пространств государств Тихоокеанского региона (Корея, Индонезия, Таиланд) рассматривается С. Парком (*Park, 2000*) в [49].

Исследуя развитие экономик этих стран, начиная с кризиса 1997-1998 гг., он приходит к выводу, что сами по себе высокие информационные технологии, которые получили широкое распространение в странах Тихоокеанского региона, являются необходимым, но не достаточным условием сближения уровней развития регионов (государств). С. Парк пишет: «Сетевая организация экономики – необходимое условие для формирования такой инновацион-

ной среды, которая обеспечит выравнивание региональных различий и обеспечит экономический рост в каждом отдельном регионе» [49, р. 338] (перевод мой – О.Б.).

Роль пространственной экономики в региональном развитии с позиций накопления человеческого капитала (*human capital*) рассматривается К. Карлсоном и В. Цангом (*Karlsson & Zhang, 2001*) в [50].

Предлагаемая ими модель описывает динамическую взаимозависимость между накоплением человеческого капитала, региональным разделением труда и пространственной структурой экономики на примере двух соседних регионов. Анализ на основе этой модели позволяет дать оценку, как различия в человеческом капитале, экологических условиях и состоянии рынка труда оказывают влияние на общее экономическое пространство двух регионов.

Существуют работы, в которых предлагаются модели мультирегионального экономического пространства, например Р. Барро (*Barro, 1991*) [51], Т. Фукучи (*Fukuchi, 2000*) [52].

На наш взгляд, эти модели обладают существенным недостатком, который не позволяет реально их использовать для анализа межрегионального взаимодействия. В основе моделей лежит производственная функция Кобба-Дугласа (*Cobb-Douglas*), а в качестве факто-

ров производства рассматриваются только труд и капитал. Кроме этого модели строятся из предположения, что региональные экономические пространства гомогенны.

Приведенный обзор работ западных ученых по достаточно узкой теме – теории экономического пространства – не претендует на полноту, но, на наш взгляд, показывает, что проблема достаточно актуальна и весьма интенсивно обсуждается представителями западной экономической мысли. Нельзя сказать, что российские экономисты не участвуют в развитии и углублении теории экономического пространства, но количество опубликованных работ по этой теме за последнее десятилетие не насчитывает и двух десятков. Отметим работы политэкономов Костромского университета, регионалистов Татарстана и достаточно серьезный вклад ученых Института экономики и организации промышленного производства СО РАН.

С работами, вошедшими в обзор и статьями смежной тематики на языке оригинала, можно ознакомиться на сайтах научной электронной библиотеки (<http://e-library.ru>), Института региональных исследований университета штата Западная Вирджиния в США (<http://www.ri.wvu.edu>), и сайте очень большой библиотеки Гарвардского университета (<http://128.103.60.91>).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кант И. Критика чистого разума. – СПб.: «ТАЙМ-АУТ», 1993. – 478 с.
2. Физический энциклопедический словарь. Т.4. – М.: Наука, 1965. – 544 с.
3. Эстерле О. Еще раз о сути пространства и времени – <<http://www.n-t.org/tp/ng/ spv.htm>>.
4. Аюковский В.А. Концепции современного естествознания: История. Современность. Проблемы. Перспективы. – М.:Изд-во МСЭУ, 2000. – 445 с.
5. Аюковский В.А. Материализм и релятивизм: Критика методологии современной теоретической физики. – М.: Энергоатомиздат, 1992. – 190 с.
6. Герловин И.Л. Исходная парадигма, основы и области практического использования единой теории фундаментального поля – Л.: Изд-во Ленингр. политехн. ин-та, 1988. – 111 с.
7. Полосухин Б.М. Феномен вечного бытия. Некоторыи итоги размышлений по поводу алгоритмической модели сознания. – М.: Наука, 1993. – 176 с.
8. Константинов А.В. О трехмерности времени. – <<http://piramyd.express.ru/disput/>>

- raznoe/konstantinov_time.htm>
9. Кобринский А. Архетип времени – <http://www.skrijali.ru/Tribuna_page/Alex_Kobrinsky_1.htm>
 10. Козырев Н.А. Время как физическое явление – <<http://prometheus.al.ru/kozyrev/kozyrev.htm>>
 11. Энгельс Ф. Анти-Дюоринг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 20. – С. 1-338.
 12. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов.–М.: Госполитиздат, 1962. –348с.
 13. Рикардо Д. Сочинения. – Т.1. – М.: Госполитиздат, 1955. – 360с.
 14. Ratzel F. Politische Geographie. – Osnabrück: Zeller, 1974. – 626 р.
 15. Тюнен фон И. Изолированное государство – М.: Экономическая жизнь, 1926. – 329 с.
 16. Вебер А. Теория размещения промышленности. – М.: Книга, 1926. – 228 с.
 17. Palander T. Beiträge zur Standortstheorie. – Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1935. – 419 p.
 18. Лёш А. Географическое размещение хозяйства. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1959. – 455 с.
 19. Isard W. Methods of regional analysis. – Cambridge: MIT Press, 1960. – 287 p.
 20. Isard W. Introduction to regional science. – Englewood: Prentice-Hall, 1975. – 506 p.
 21. Isard W. On location analysis for urban and regional growth situations // The Annals of Regional Science. – 1972. – V. 6. – P. 1-27.
 22. Perroux F. Economic space: theory and applications // Quarterly Journal of Economics. – 1950. – V. 64. – P. 89-104.
 23. Hoover E. The location of economic activity. – New York: McGraw-Hill, 1963. – 344 p.
 24. Jacobs J. The Economies of Cities. – New York: Random House, 1969. – 268 p.
 25. Hoover E. An introduction to regional economics. – New York: Knopf, 1971. – 395 p.
 26. Streit M. Spatial association and economic linkages between industries // Journal of Regional Science. – 1969. – V. 9. – P. 177-188.
 27. Richter C. The impact of industrial linkages on geographic association // Journal of Regional Science. – 1969. – V. 9. – P. 119-128.
 28. Czamanski S. Needless complexity in the identification of industrial complexes: A comment // Journal of Regional Science. – 1977. – V. 17. – P. 455-457.
 29. Czamanski S. Identification of industrial clusters and complexes: a comparison of methods and findings // Urban Studies. – 1979. – V. 16. – P. 61-80.
 30. Latham W. Needless complexity in the identification of industrial complexes // Journal of Regional Science. – 1976. – V. 16. – P. 45-55.
 31. Latham W. Needless complexity in the identification of industrial complexes: A reply // Journal of Regional Science. – 1977. – V. 17. – P. 459-461.
 32. Howe E. Simple industrial complexes // Papers in Regional Science. – 1991. – V. 70. – P. 71-80.
 33. Quigley J. The renaissance in regional research // The Annals of Regional Science. – 2001. – V. 35. – P. 167-178.
 34. Porter M. The competitive advantage of nations. – New York: Free Press, 1990. – 855 p.
 35. Porter M. Competitive advantage, agglomeration economies, and regional policy // International Regional Science Review. – 1996. – V. 19. – P. 85-90.
 36. Porter M. Location, clusters, and the «new» micro-economics of competition // Business Economics. – 1998. – V. 33(1). – P. 7-13.
 37. Maillat D. The innovation process and the role of the milieu // Regions Reconsidered: Economic Networks, Innovation, and Local Development. – London: Mansell, 1991. – P. 103-117.
 38. Maillat D., Vasserot J. Economic and territorial conditions for indigenous revival in Europe's industrial regions // High Technology Industry and Innovative Environments – Andover: Routledge, 1988. – P. 163-183.
 39. Krugman P. Development, geography and economic theory. – Cambridge: MIT Press, 1995. – 117 p.
 40. Krugman P. The Self-Organizing Economy. – Cambridge: Blackwell Publishers, 1996. – 122 p.
 41. Arbia G. Modelling the geography of economic activities on a continuous space // Papers in Regional Science. – 2001. – V. 80. – P. 411-424.
 42. Roberts B., Murray A. National and regional corporate spatial structure // The Annals of Regional Science. – 2002. – V. 36. – P. 347-368.
 43. Enright M. J. Regional clusters and economic development: A research agenda // Business Networks: Prospects for Regional Development. – Berlin: Walter de Gruyter, 1996. – P. 47-58.
 44. Goetz St. Migration and Local Labor Markets. – <http://www.rri.wvu.edu/WebBook/> Goetz.
 45. Schuler R. Transportation and telecommunications networks: Planning urban infrastructure for the 21st century // Urban Studies. – 1992. – V. 39(2). – P. 297-310
 46. Capello R. Spatial economics analysis of telecommunications network externalities. – Aldershot: Avebury, 1994. – 308 p.

47. Capello R. Entrepreneurship and spatial externalities: Theory and measurement // The Annals of Regional Science. – 2002. – V. 36. – P. 387-402
48. Shibusawa H. Cyberspace and physical space in an urban economy // Papers in Regional Science. – 2000. – V. 79. – P. 253-270.
49. Park S. Regional issues in the Pacific Rim // Papers in Regional Science. – 2000. – V. 79. – P. 333-342.
50. Karlsson C., Zhang W. The role of universities in regional development Endogenous human capital and growth in a two-region model // The Annals of Regional Science. – 2001. – V. 35. – P. 179-197.
51. Barro R. Economic growth in a cross section of countries // Quarterly Journal of Economics. – 1991. – V.56(2). – P. 407-443.
52. Fukuchi T. Long-run development of a multi-regional economy // Papers in Regional Science. – 2000. – V. 79. – P. 1-31.

УДК 330.12

О.А. Бияков

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: СУЩНОСТЬ, АНАЛИЗ И СИНТЕЗ ПОНЯТИЯ

Термин «экономический процесс» в экономической литературе употребляется настолько часто и в разных смыслах и контекстах, что найти четкое и однозначное определение этого понятия, к удивлению автора, оказалось трудноразрешимой задачей. Целью данной статьи является попытка вскрытия сущности понятия «экономический процесс» и его определения с позиций институциональной экономической теории.

Характерным для большинства авторов является рассмотрение экономического процесса «извне», а не «изнутри». Так известный немецкий экономист Вальтер Ойген в своем главном труде «Основные принципы экономической политики» [1], рассматривая типы регулирования экономического процесса, сам экономический процесс определяет как совокупность хозяйственных процессов производителей.

В общем контексте, большинство авторов под экономическим процессом понимают процесс преобразования экономических ресурсов в удовлетворенные общественные потребности. Развивая эту мысль дальше, естественно приходим к общественному производству как единственному источнику удовлетворения общественных потребностей. Общественное

производство – абстрактная экономическая категория, характеризующая обмен веществ между человеком и природой. Рассматривая конкретное как диалектическую взаимосвязь расчлененной целостности и восходя от абстрактного к конкретному, можно говорить о том, что общественное производство к каждый момент времени предстает в форме множества экономических процессов, инициируемых человеком для удовлетворения своих потребностей. Однако, определение экономического процесса через преобразование ресурсов в условиях современных экономических реалий, на наш взгляд, несколько утратило свою актуальность.

Известный экономист Карл Поланьи, рассматривая рыночную систему, писал: «Хозяйство здесь воплощено в институтах, которые побуждают акты индивидуального выбора к образованию взаимозависимых движений, составляющих в итоге экономический процесс» [2, с. 65]. Примем данное определение за основу и выделим его три ключевых момента:

- 1) институциональная природа экономического процесса;
- 2) источником возникновения экономического процесса являются акты индивидуального выбора;

3) условием существования экономического процесса выступают «взаимозависимые движения» – отношение между актами индивидуального выбора.

Рассмотрим выделенные моменты с позиций институциональной экономической теории, выдвинув в качестве тезиса органическое единство институтов и рыночной системы хозяйствования.

Первый ключевой момент относительно природы процесса. Обратимся к классическому определению институтов, которое дал Дуглас Норт: «Институты – это «правила игры» в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми. Следовательно, они задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия...» [3, с. 17]. Исходя из данного определения, можно утверждать, что позиция К. Поланьи о первопричине возникновения экономического процесса не точна: создавать структуру побудительных мотивов и побуждать акты индивидуального выбора – действия абсолютно различные. Однако, несмотря на это противоречие в определении, данном К. Поланьи, безусловно, что экономический процесс имеет институциональную